

УДК 94

**ЖИВЫЕ СИМВОЛЫ: ОТ КУЛИКОВА ПОЛЯ ДО
«БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА». КАК РОССИЯ СОЗДАЁТ СВОЮ
СУДЬБУ**

**LIVING SYMBOLS: FROM THE KULIKOV FIELD TO THE
"IMMORTAL REGIMENT". HOW RUSSIA IS CREATING ITS OWN
DESTINY**

**Беськаева Валерия Александровна, Захарова Екатерина
Александровна**

**Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск**

**Научный руководитель: Терняев Андрей Павлович, кандидат
исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной
истории и методики обучения**

**Beskaeva Valeria Aleksandrovna, Zakharova Ekaterina
Aleksandrovna**

**Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev,
Saransk**

**Scientific supervisor: Ternyaev Andrey Pavlovich, Candidate of
Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and
Foreign History and Teaching Methods**

Аннотация:

Статья прослеживает эволюцию ключевых исторических символов России от средневековья до наших дней, раскрывая механизмы формирования национальной идентичности. На примере Куликовской битвы, Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны авторы показывают, как формировались идеи единения и жертвенности. Особое внимание уделено трансформации памяти в современную эпоху: от народной инициативы «Бессмертный полк» до цифровых архивов и вызовов информационной войны. Анализ демонстрирует, что объединяющие образы прошлого остаются живым языком для диалога общества со своей историей и основой для консолидации в настоящем.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, консолидация общества, исторические мифы, «Бессмертный полк», Великая Отечественная война.

Abstract:

The article traces the evolution of Russia's key historical symbols from the Middle Ages to the present day, revealing the mechanisms of national identity formation. Using the examples of the Battle of Kulikovo, the Patriotic War of 1812, and the Great Patriotic War, the authors show how events were

reinterpreted into sacred myths of unity and sacrifice. Special attention is given to the transformation of memory in the modern era, from the popular initiative "Immortal Regiment" to digital archives and the challenges of information warfare. The analysis demonstrates that the unifying images of the past remain a living language for society's dialogue with its history and a basis for consolidation in the present.

Keywords: historical memory, national identity, social consolidation, historical myths, Immortal Regiment, Great Patriotic War.

История России – это не просто летопись событий. Это грандиозное эпическое полотно, на котором каждое поколение дорисовывает свои образы, превращая прошлое в живую систему символов и смыслов. Эти символы становятся основой национального самосознания, фундаментом, способным в критический момент сплотить общество, прочертить линию между «мы» и «они», объяснить настоящее через призму прошлого. Эволюция этих объединяющих нарративов – от средневековых сказаний до современных цифровых акций – есть ключ к пониманию российской идентичности. Это путь от сакральных мифов о защите веры и земли к глубоко личному, семейному переживанию общей судьбы.

Формирование общерусского самосознания в условиях раздробленности и ордынской зависимости требовало мощных, почти сакральных символов. Именно таким образом в национальную память были вписаны победы Александра Невского и Дмитрия Донского. Особенно показателен культ Куликовской битвы, который в дореволюционной и позднесоветской историографии прошёл сложную трансформацию. Из локального, хотя и масштабного, эпизода междоусобной борьбы в рамках Орды он был последовательно превращён сначала в религиозный символ – «крестовый поход» святого Сергия Радонежского против «неверных», затем – в национально-освободительный миф о «начале конца» ига и пробуждении единого народа. Эта идея, подчёркивающая участие дружин разных княжеств, служила прямым ответом на ключевой вызов эпохи: как объединиться перед лицом внешней угрозы. Его сила коренилась в абсолютной сакральности и чётком разделении на «своих» (православных, русских) и «чужих», задавая матрицу для будущих исторических мифов [3, с. 5].

Война 1812 года с Наполеоном стала следующим водоразделом, где произошла важная эволюция. Если для политической элиты и дворянства это был имперский триумф в рамках общеевропейской большой игры, то для формирующейся национальной памяти её переосмыслили через призму «народной», «Отечественной» войны. Образ «Великой армии», сокрушённой не только гением полководца, но и «дубиной народной войны», морозами и жертвенностью простого солдата,

крестьянина и жителя сожжённой Москвы, стал центральным. Лев Толстой в «Войне и мире» дал этому каноническую литературную формулу. Здесь произошёл принципиальный сдвиг: акцент сместился с личности царя-освободителя на сплочённую нацию, способную отстоять свою землю ценой невероятных лишений. Так возник мощный символ всеобщего единения перед лицом иноземного вторжения, где народ из наблюдателя истории превратился в её главного героя и жертвенного спасителя.

Этот сдвиг был бы невозможен без мощнейшего влияния культуры, которая на века стала главным хранителем этих символов. Если «Война и мир» Толстого дала каноническое описание событий 1812 года, то в XX веке эту роль для Великой Отечественной войны исполнили фильмы вроде «Летят журавли» и «Они сражались за Родину», стихи Симонова и песня «День Победы». Именно искусство эмоционально «кодировало» память, превращая исторические события в личные переживания миллионов. Сегодня эту функцию перенимают новые формы – пронзительные документальные проекты, сериалы и даже сложные компьютерные игры, которые для молодого поколения становятся первым, эмоциональным окном в прошлое, продолжая нескончаемую работу по осмыслению истории [5, с. 325].

Таким образом, формирование и эволюция объединяющих исторических образов – это результат сложного взаимодействия трех ключевых агентов. Государство выступает как главный институциональный архитектор памяти, создающий канон через образование, пропаганду и официальные мероприятия. Широкое общество (гражданское общество, семьи, локальные сообщества) является хранителем и интерпретатором, что ярко проявилось в феномене «Бессмертного полка», который переосмыслил государственный канон. Наконец, культура и интеллектуальные элиты (писатели, режиссеры, художники) выполняют роль смыслообразующего механизма, переводящего исторические факты в мощные, эмоционально заряженные архетипы, усваиваемые массовым сознанием.

Апогеем и синтезом жертвенности стала Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Она стала универсальным и абсолютным объединяющим мифом, вобравшим в себя черты всех предыдущих. Борьба с «фашистским злом» приобрела характер новой священной войны, лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» отражал тотальную мобилизацию каждого, а невиданные потери были осмыслены как коллективная искупительная жертва во имя спасения цивилизации и будущих поколений. Важнейшей чертой стало то, что война вошла почти в каждую семью, сделав память о ней глубоко личной и семейной. Советское государство тщательно культивировало этот канон через монументы, кинематограф и литературу, превратив 9 мая в главный гражданский праздник. Победа стала легитимирующим мифом государства и незыблемой основой личной

гордости для миллионов, создав уникальную общность «народа-победителя» [1, с. 35].

При этом монолитный героический канон советской эпохи оставлял за своими рамками целые пласты трагического и противоречивого опыта. Тема масштаба репрессий, цена первых месяцев войны, явление коллаборационизма и судьбы перемещённых народов долгое время оставались на периферии официальной памяти. Важным этапом эволюции стал постепенный, хотя и болезненный, диалог с этими «тёмными страницами». Появление мемориалов вроде «Стены скорби» или «Последнего адреса» свидетельствует о попытке интеграции памяти о жертве и страдании – не только от внешнего врага, но и от внутренних катаклизмов – в общее историческое поле. Эта сложная работа по признанию всей полноты прошлого, а не только его триумфальных глав, стала новым вызовом для официального исторического канона, проверкой его на прочность и зрелость.

Однако в 1990-е годы единая картина прошлого, как и многое другое, пережила глубокий кризис и распалась. Ее место пытались занять критические или альтернативные версии истории. Но глубинная общественная потребность в объединяющих символах, связывающих поколения, никуда не исчезла. Именно из этой экзистенциальной потребности, снизу, и родилось явление «Бессмертного полка». Эта народная инициатива стала гениальной эволюцией старой традиции, его адаптацией к запросам современного, более индивидуализированного общества. Акция произвела настоящую демократизацию памяти: на первый план вышел не верховный главнокомандующий или маршал, а простой солдат – чей-то конкретный дед или прадед. Шествие с фотографиями, этот мощный визуальный ритуал, позволило каждому пронести личную историю, превратив грандиозное событие в сумму миллионов семейных судеб. Это создало эффект «воскрешения» павших, их эмоционального присутствия среди живых, и породило новые горизонтальные связи между участниками, которые видели в каждом проходящем родственную историю [4, с. 254].

Сегодня эта народная память обретает и принципиально новое, цифровое измерение. Глобальные проекты вроде электронных баз данных «Память народа» и «Дорога памяти» позволяют каждому не только пройти с фотографией, но и восстановить боевой путь предка, оцифровать письма, увидеть сканы наградных листов. Память становится интерактивной, превращаясь из общего ритуала в глубоко личный квест по восстановлению семейной летописи. Однако та же цифровая среда породила и беспрецедентные вызовы: информационные войны, тотальную ревизию истории в медиапространстве, «войны памятников» в виртуальном и реальном мирах. Современная консолидирующая концепция прошлого вынуждена существовать в условиях жёсткой

конкуренции символов и трактовок. Его устойчивость теперь проверяется не только внутренним принятием, но и способностью к интеллектуальной и смысловой защите в глобальном информационном поле [2, с. 13].

Анализируя эту многовековую эволюцию, от летописных сказаний до цифровых баз данных, мы видим удивительную преемственность ключевых принципов. Все эти нарративы формируются в контексте мобилизации перед лицом внешней угрозы, защиты суверенитета и цивилизационного выбора. В их сердцевине всегда лежит акцент на единство и жертвенность, где победа трактуется как результат сплочения всех сословий и готовности к высшей жертве. Эти события неизменно сакрализуются и ритуализуются, переводясь из военно-политической плоскости в область священного, что подтверждается ежегодными памятными практиками. И, наконец, они демонстрируют поразительную способность к адаптации: от религиозного мифа (Куликово поле) к имперскому (1812 год), от идеологического (советский 1945) к личностно-семейному («Бессмертный полк») [6, с. 439].

Таким образом, Россия постоянно конструирует свою коллективную судьбу через работу с памятью. Объединяющие исторические нарративы – это не застывшие догмы, а живой, развивающийся язык. Это язык, на котором общество ведёт непрерывный диалог с прошлым, объясняет вызовы настоящего и даже прогнозирует контуры будущего. «Бессмертный полк» наглядно показал, что в XXI веке наиболее устойчивым и востребованным оказывается тот символ, который даёт человеку не абстрактную, а глубоко личную, эмоциональную сопричастность к большой истории. Эта эволюция не закончена. Сегодня на наших глазах могут формироваться новые смыслы и символы, которые, пройдя проверку временем, встанут в один ряд с этими вечными образами общей судьбы.

Список литературы

1. Артамонов, Д. С. История и историческая память о Великой Отечественной войне в коммуникативных практиках цифрового общества / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Российская школа связей с общественностью. – 2020. – № 17. – С. 29-43.

2. Береснев В. Д., Береснева Н. И. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bessmertnyy-polk-sotsiokulturnyy-kontekst-i-filosofskaya-refleksiya>

3. Боровков Д. С. Куликовская битва в XXI в.: между наукой, мифом и образовательной программой // Манускрипт. 2025. № 2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kulikovskaya-bitva-v-xxi-v-mezhdu-naukoy-mifom-i-obrazovatelnoy-programmoy>

4. Головашина О. В. «Изобретающее воспоминание»: образ СССР в коммуникативной памяти первого постсоветского поколения // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции, Липецк, 24-26 сентября 2015 г. – Тамбов : Издательство Першина Р. В., 2015. – С. 250-256.

5. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / Л. В. Мельникова, С. С. Секиринский, А. А. Подмазо [и др.]. – Москва : Кучково поле, 2012. – 456 с. – ISBN 978-5-9950-0274-1.

6. Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития : Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 752 с. – ISBN 978-5-7567-1356-5.

.